

в этом издании впервые сделано то, чего недоставало в предшествующих работах и отсутствие чего в значительной мере обесценивало прежние попытки реконструкции текста «Задонщины». Для наглядности и удобства сопоставлений восстановленного текста с его основным источником — «Словом о полку Игореве» — соответственные параллели из «Слова» приведены тут же, на каждой странице под строкой.

Как уже было отмечено выше (см. стр. 548), В. П. Адрианова-Перетц считает древнейшей, принадлежащей автору (Софонии) лишь основную, центральную часть «Задонщины», которая «опирается на поэтическую фразеологию Слова о полку Игореве»;¹ она и составляет первоначальный объем памятника, его первую редакцию. Находящиеся же в ряде списков «Задонщины» предисловие, рассказ о бегстве Мамаю в Кафу и заключительная речь великого князя «на костях» к уцелевшей дружине, включающая иногда также перечень убитых воевод, отличающиеся от основной части стилистически, по мнению В. П. Адриановой-Перетц, — позднейшего происхождения и являются типичными особенностями новой, второй редакции «Задонщины». Главный источник этих добавлений — одна из редакций «Летописной повести» о Мамаевом побоище, откуда взяты также более мелкие редакторские вставки, имевшие целью приблизить стиль «Задонщины» к приемам московского исторического повествования XV века. Вставки последнего типа пополнили текст Софонии — «более поэтический, нежели конкретно-содержательный»² — фактическими подробностями, внесли элемент религиозной чувствительности в характеристику великого князя и значительно сгустили краски в изображении картины боя.

Считая, что последние вставки действительно могут быть делом позднейшего редактора или переписчиков «Задонщины», я не могу согласиться с тем, что «обрамление» этого памятника — его замечательное в идейном отношении вступление, подлинный идейный стержень произведения, и пространное заключение — является позднейшим по времени и не принадлежит самому автору «Задонщины». Неужели «Задонщина» в ее первоначальном виде была создана буквально без начала и без конца? Она не могла начинаться словами «Лутче бо[нам] есть, братие, нача[ти]. . .», как когда-то начиналось «Слово о полку Игореве», — это противоречило бы и логике, и художественному чутью, которые, бесспорно, были у Софонии.

По поводу вступления в «Задонщине» В. П. Адрианова-Перетц говорит: «Поставив себе целью дать историческое вступление к повести о Куликовской битве, редактор обратился к летописным рассказам о прошлом».³ Но почему такую цель не мог поставить себе автор повести? Почему он сам не мог обратиться к летописным рассказам о прошлом? Неужели Софония мог не дать своего предисловия, определяющего его точку зрения на события?

Точно так же автор, рассказав о разгроме татар, не мог оборвать свое произведение словами «Трубы их не трубят, уныша гласи их», ничего не сказав о русском воинстве и русских князьях-победителях; он не мог оставить свою «похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю Владимиру Ондреевичу» без упоминания о них в самом конце произведения, без упоминания, что они себе «добыли чести и славного имени».

¹ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина», стр. 161

² Там же, стр. 171.

³ Там же, стр. 173 (разрядка В. П. Адриановой-Перетц).